

Началось все с контракта, который город в лице мэра Гавриила Погова решил заключить с художественным руководителем — директором театра Юрием Любимовым. Бумага из дирекции непонятным образом исчезла и пошла гулять по рукам. Взаблудили народ два пункта — при приватизации театра Любимов получает право приоритета покупки создания акционерного общества с правом привлечения иностранных коллег по его выбору; важные вопросы решаются в Международном суде (Швейцария, Цюрих). Первое условие Юрий Петрович прослышал о "вопленниках", второе объяснил: если вдруг Погов уйдет в отставку, а сам в этот момент будет за рубежом, театр может оказаться без зарплаты — тогда и придут на помощь нормы международного права. Дрободы для всех, кто знаком с каталогизацией нашего образа жизни, внешне резонансные. Да только молва опередила. По театру пошел слух Любимов в дружках с немцами и швейцарцами, продаст им театр, свою долю отдаст сыну Пете и уедет, а новоявленные выгонят всех на улицу. Цюрихшел даже не сам вымысел, а то, что нашлись люди, в него поверившие.

И тут, как водится, завелись собрания. Было их четыре. Пересказывать в подробности, что там происходило, не берусь — не хочу судить с чужих слов, да и критично, честно говоря. Сошлюсь на слова Феликса Антипова, одного старожиле "Таганки": на первом собрании поступило предложение выразить недоверие Любимову и пригласить для руководства театром Николая Губенко, давшее согласие, на последнем — большинство высказало недоверие директору-распорядителю Борису Галголину, а должность Любимова "художественный руководитель-директор" поделило на две. Пост директора предлагался уже побывавшему на нем Александру Ефремову, пока — работнику Министерства культуры СССР, руководителем назначался художественно-театральный совет во главе с председателем. И Любимову, как объяснил Антипов, место нашли: решили пригласить его на постановки и сделать почетным членом совета.

Что тут скажешь? Ни одну из воюющих сторон судить или оправдывать не берусь. Отношения втянутых в эту шухля людей складывались десятилетиями, и в них много всякого намешано. Постороннему лучше бы не бередили большой клубок претензий, амбиций, взаимных обид. Я бы и не стала, если бы не... видеозаписи собрания номер 3: мне ее показали в театре. Единственного собрания, на котором присутствовал Любимов. До этого шла репетиция "Электры", там Юрий Петрович произнес монолог, видеозаписи зафиксировала и это. Вот что сказал Любимов:

В театре произошло недоверие. Люди завопили некресиво, и в общем, подуть интригу. Мы еще встанем на путь демократии, и вместо рынка ряд людей решили устроить базар в театре. Воспользовались тем, что Погов якобы уходит в отставку, взяли из сейфа чужой документ — мой контракт, существование которого я ни от кого не скрывал. Взаблудили тропу, не появлялись в театре, когда я работал. Украсть и обзудать чужой документ неприлично, это безобразно! Кого я ограбил, кто выбросил на улицу? Никого. Сейчас надо театр реорганизовать — он в рыночных условиях, — а вы устроили базар, баракхолку. Когда вы печетесь о личном благо — действуете в одиночку, а когда вы хотите делать пакости — собираетесь коллективом. Я не так

воспитан отцом и дедом, трудно меняться в семидесят четыре года. Прежде меня убейте, а потом творите свои безобразия...

Смотревшая вместе со мной запись — в который же раз? — Марина Полицеймако на этих словах судорожно вздохнула: "Дальше они и будут его убивать". Репетицию то и дело прерывали гонцы — Любимова звали на собрание вроде бы обсуждать устав. В конце концов он туда пошел — один, уговорив сторонников остаться. Оказался в зале лицом к лицу со своими актерами, залодозирившими его в нечистоплотности. И обратился к ним: "Если я за почти тридцать лет не сумел убедить вас, что я честный, мне не о чем говорить..." Дальше цитирую фрагменты записи:

Леонид ФИЛАТОВ: Мне с вами ругаться ни к чему, против быть неинтересно. У меня корысти вот настолько — мне из-за вас чуть бабку не спомали! Я не самый большой поклонник того, чтобы вы

Музыканты бросили репетировать. Они топтали ногами, улюлюкали и скандировали "Долой дирижера!". Узнаете? Ну конечно: "Репетиция оркестра" Федерико Феллини. Когда я сидела в Театре на Таганке в окружении взвинченных, растреванных людей, кто-то мрачно пошутил: вот и у нас почти Феллини. На "Таганке" схлестнулись

МАСТЕР И ЭКС-МИНИСТР

приходили. Не приходите! Вы меня научили, а теперь я вас не узнаю. (Аплодисменты.)

Елена ГАБЕЦ: Неправоммерно ваше непонимание, что мы живем в другой стране, что люди в зале могут иметь отклики от ваших мнений, могут собраться и что-то решить. Этот коллектив на общем собрании, принимая устав, единогласно голосовал за единоличное — чтобы вы работали. Теперь обычные люди хотят проработать в этом театре, обеспокоены тем, что происходит в нашей стране, хотят объединиться в общественную организацию. А вы...

Николай ГУБЕНКО: Позвольте на правах ведущего актера — я в театре с шестьдесят четвертого... Восемьдесят третий год, вы бросаете коллектив. Впоследствии не-

однократно во время пребывания в Италии, Франции, Англии я как частное лицо пытался выйти на вас — через Некрасова, по телефону... Вы ни разу не пошли на контакт с нами. Восемьдесят седьмой год — ребята просят меня взять театр. Я беру, бьюсь о политбюро, где Лигачев, Громыко и единственный, кто перевешивает чашу весов в пользу вашего возвращения, — Горбачев... Возстаналиваю все ваши спектакли, с огромным уважением отношусь к вашему замыслу... Испания, слезы счастья оттого, что вы вернетесь... А вы растащиваете меня в прессе... Вы лжец, вы прокляти все, что было в этой комнате, растоптали и продали. (Крик восхищенного с места Бориса Галголина: "Вы не имеете права так с ним говорить!") Вы руководите нами по телефону через Бориса Алексеевича, эту пристяжную б... (аплодисменты), продали, мыслящего только во благо себе. Вы хотите работать в Советском Союзе (заминка)... в СНГ?

Ульянову, азывавшую к своему "Петровичу": "Роденный, да услышите же вы нас..."

Но дважды мне стало страшно. Когда вальжная, уверенная в себе актриса Габец наставляла Мастера, как жить, и когда говорил Губенко. Он, бывший когда-то незначительным актером и режиссером, и уж тем более не министром культуры, а учеником, и притом любимым, в зале, не стесняясь в выражениях, кричал на Учителя. На седого человека семидесяти четырех с половиной лет, много чего на своем веку пережившего и в свое время этот театр создавшего. А тот слушал, пытался отвечать, в какой-то момент растерялся. И только в конце сорвался: "Человек, который назвал меня лжецом, жил у моей матери... Я уйду, а вы выбирайте. Пока он не уйдет, меня не будет!"

Зачем все это рассказываю? Не в защиту Любимова: он в этом не нуждается. И никогда не скрывал, что самолюбив, властен, резок, что

шать не стоит. Например, оскорблять ребенка или старика. Или плавать в лицо учителю. Словом, — и тут вновь процитирую Юрия Петровича Любимова — "нужно быть приличными людьми". Я пыталась разобраться, почему "Таганке" это не удалось. Около трех часов проговорила с теми, кто за Любимова: Мариной Полицеймако, Феликсом Антиповым, Борисом Галголиным. "Вышла" и на лидеров оппозиции.

И тут сюрприз преподнес Леонид Филатов. Он объяснил, что в конфронтации с Любимовым не состоит — просто всегда высказывает собственную точку зрения. Но при этом помнит, что Любимов — гений, а он — его ученик. Вот и в этот раз попытался высказаться, да разговор не клеился. А вообще, считает Леонид Алексеевич, ситуация на сегодняшний день не исчерпана, много неясного, не до конца понятого в том же контракте. И хорошо бы в ней руководству высветить известным правилом "Не навреди!". Иначе вряд ли избежать соблазна припомнить неровности отношения "Таганки" с Эфросом и драматическую судьбу этого театра.

Надо учиться, — добавил Филатов, — вокруг живые люди, со своими проблемами, характерами. Думаю, в этой ситуации нужен компромисс. Без Любимова театра нет...

До Николая Губенко я безуспешно дознаивалась три дня. В конце концов связаться удалось, но — через посредство его советника Александра Шерпа. Мне передали, что Николай Николаевич в принципе не возражает против встречи, но обстоятельства делают ее в ближайшие дни невозможной: он занят трудоустройством людей — половина министерства пока "на улице". И добавил: Николай Николаевич готов идти на любой разговор. Но хочет, чтобы эта беседа была одновременно и с ним, и с Любимовым.

Против такого желания как возражать? Вот только память о собрании все еще торчала в мозгу занозой — и я рискнула сказать, что поручиться за второго собеседника не могу. Может, Николай Николаевич сумеет его уговорить? В ответ услышала: "Конечно, конечно..."

Эпилога у этой истории пока нет. Знаю, что Любимову звонили из театра и он подтвердил: придет, как только будет подписан контракт. Ведущие артисты "Таганки" обратились к мэру Москвы с просьбой ускорить подписание и пообещали в противном случае остановить работу театра. Есть в обращении и такие строки: "Часть трупы под клестким нажимом Н. Н. Губенко приводит бесконечные собрания и, опираясь якобы на букву закона, используя при сборе подписей и голосовании некое статистическое большинство, вопреки позиции творческого состава — очевидно, все-таки главного звена в театральной структуре — выражает недоверие дирекции и выдвигает кандидатуры, заведомо неприемлемые для Юрия Петровича Любимова. Эта группа, спровоцированная Н. Н. Губенко, делает все для того, чтобы основатель Театра на Таганке в свой театр никогда больше не вернулся". Подписали письмо Галголин, Антипов, Шаловалов, Фарада, Полицеймако, Смирнов, Межевич, Шербаков, Ковалева, Власова, Боровский, Бортник, Трофимов, Золотухин, Дамждова, Холмогоров.

А у меня из головы не идут услышанные на "Таганке" слова: "Любимов понимает, что театр умирает. Это агония". И вопреки всему очень хочется поверить, что это не так. И что фраза из "Электры": "Я не в силах под одною кровлей..." — не окажется, как в шутку заметил Юрий Петрович, пророческой... Татьяна ИСКАНЦЕВА.

Если нет, скажите. Или вы будете руководить театром из Цюриха? Мы вас любим, но — прежнего. А нынешнего ненавидим: вы — лжец...

Инна УЛЬЯНОВА: Когда человек раньше оставался без работы, Семья лгаче — та семья идет пять рублей были не четыреста двадцать нынешних. Мы хотим работать. Может, мы разнужданы. Но театр создавался на вашей воле, энергии. Мы хотим быть с вами...

Не знаю, передается ли в чтении то ощущение всякого и жуткого кошмара, которое охватывает при просмотре пленки. Бурное "одобрение" зала, которое мы столько уж раз проходили. Разгоряченные злые лица. Кто-то стыдливо опустил глаза, кто-то — улюлюнул в ладони. Их жалко. Как жалко ту же Инну

характер — не сахар, и поводы для упреков дает — уж такой он, Юрий Петрович, есть. Важнее тут другое. В нашей сегодняшней жизни с ее растущей непредсказуемостью, шаткостью, житейской несоборностью ситуация, подобная этой, уверена, участится. И тот страх, у которого "глаза велики", к любому из нас может прийти точно так же, как к актерам "Таганки". Недоверие у нас уже в генах заложено! Да и привычнее ждать от будущего плохого, а не хорошего. А ну как окажется в одночасье без работы, на улице? Куда податься той же актрисе с "Таганки" средних лет, одинокой, да еще и с ребенком, если театры в России того гляди начнут закрываться?

Все так. И все же есть поступки, которые в любой ситуации совер-